Прости меня, сестра!
18+

Наталья Максименко

Прости меня, сестра!

https://litres.ru/74684982
SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое Судьба? Кто вершит её - человек или Бог? Странствия души, любовь и трепет сердца - всё это в увлекательном мистическом путешествии в мир чувств найдёте вы в этой повести.

Наталья Максименко
Прости меня, сестра!

ПРОСТИ МЕНЯ, СЕСТРА!

-Аннушка, где девочки?

-В парке, должно быть, Ольга Павловна.

-Пойди, разыщи их, уже пора обедать.

-Слушаюсь, графиня.

Миловидная румяная Аннушка пошла искать девочек, а графиня подошла к окну, выходящему в парк. Она глядела вслед девушке, торопливо идущей по центральной аллее, и грустно улыбалась. Хорошая она, эта Аннушка, иногда графине казалось, что она любит эту шестнадцатилетнюю девочку ничуть не меньше своих дочерей. Да и что тут удивительного – Аннушка попала в их дом совсем крошкой, она была дочерью их новой кухарки, которая вскоре умерла, оставив девочку сиротой, и сразу стала любимицей всех слуг, а потом и самих владельцев поместья. Когда родилась Лиза, девочке было позволено иногда забавлять малышку, а уж Полину, родившуюся через год, и тем более доверяли ловким ласковым рукам Аннушки. Сама еще ребенок, она осознавала всю ответственность, возложенную на нее, и лучшей няньки, пожалуй, не сыскать было во всей округе.

Старший сын Алексей иногда дразнил мать:

-Похоже, маменька, у Вас не три, а четыре ребенка!

Ольга Павловна мягко улыбалась и кивала головой:

-Похоже, милый, у меня их не четыре, а целых десять, ты один на шестерых тянешь!

Сын озорно хохотал и, целуя мать, кружил ее по комнате:

-Вы у меня самая славная маменька на свете!

Как давно это было…

Граф Петр Александрович умер, когда младшей, Поленьке, было всего четыре. Удар обрушился на семью внезапно, никто не мог даже предположить, что у крепкого с виду графа оказалось слабое сердце.

Оставшись вдовой в тридцать два года, Ольга Павловна имела на руках сына четырнадцати лет и двух дочерей – пяти и четырех лет, огромное поместье под Москвой, великолепную усадьбу и весьма приличное состояние, хранительницей которого она должна была быть до совершеннолетия детей. По завещанию, оставленному графом Петром Александровичем Дубовым, все его состояние должно было быть разделено на три равных части между детьми по достижении ими восемнадцати лет, а усадьба и поместье оставались в пожизненном владении у Ольги Павловны, его «милой Олюшки».

Выйдя семнадцати лет замуж за сорокадвухлетнего графа, Олюшка нашла то счастье, о котором мечтают все девушки. Ее мужа любил и уважал и высший свет, и соседи-помещики, и все их слуги и крестьяне. Петр Александрович был рачи-

тельный хозяин, любящий муж и ласковый отец. Оставшись без него, Ольга Павловна полгода страдала душевно немыслимо, потом как-то нашлась и взяла себя в руки. Она, постепенно вникнув во все тонкости, стала достойным продолжателем начинаний покойного мужа. Теперь делом ее жизни стало вести все так, как было при нем, и растить детей в долге и совести. Ольга Павловна свято блюла верность ушедшему другу ее лучших лет и решительно отклоняла какие бы то ни было ухаживания многочисленных претендентов на ее руку и сердце. Она была еще молода и довольно хороша собой, но скоро ее непреклонность стала входить в пословицы и толпа ухажеров постепенно редела и вскоре от нее остался лишь один – их сосед граф Воронков, вдовец, имевший огромнейшее поместье, столь же значительный капитал и сына Сережу, ровесника Алексея.

Граф Сергей Львович Воронков был еще довольно молод, лет сорока восьми, статен и хорош собой. Но и ему ничего не оставалось, как довольствоваться ролью друга семьи, гостя иногда в поместье Дубовых. Постепенно он привык к такому положению и не показывал ни словом, ни взглядом своих тайных, не желающих гаснуть чувств.

Ольга Павловна в задумчивости стояла у окна, когда позади нее раздались торопливые шаги и веселый голосок окликнул ее:

-Маменька, мы пришли!

Разрумянившаяся Лиза вбежала в гостиную и обняла мать. Черные кудри рассыпались по плечам, еле сдерживаемые алой лентой. Темно-карие лукавые глаза заглядывали в лицо матери, требуя ласки.

-Вот и хорошо, лапонька моя, скоро будем обедать, - графиня ласково перебирала нежные локоны прильнувшей к ее груди головки и с любовью смотрела на степенно входившую в гостиную младшую дочь.

Полина была совсем не похожа на сестру – белокурые волосы скромно убраны, нежно-голубая лента удерживала их буйство в ласковом шелковом плену. Тихая, мягкая – Полина всегда была ровной и спокойной.

Но хотя сестры и были внешне столь непохожи, порой в них мелькала необыкновенная схожесть. И именно это их различие, и эта схожесть делали их дружбу удивительно крепкой и нежной.

Лиза по праву старшинства всегда верховодила, а Полина никогда и не пыталась сопротивляться этому. Лиза так привыкла к беспрекословному подчинению сестры, что порой даже сама этого не замечала, просто знала, что Полина примет все, чего она захочет. И, может быть, эта покорность ее воле играла не последнюю роль в ее покровительственной любви к младшей сестре. А Полина, взирая восхищенным взглядом на Лизу, ставила ее намного выше себя. Однако она была ничуть не хуже сестры – так же необыкновенно мила, красива и душевна.

Она тихо подошла к матери и тоже прильнула к ней.

-Ну вот, все в сборе, пора за стол!

За обедом девочки наперебой рассказывали матери о своих похождениях в парке, окружавшем дом, а та с улыбкой слушала их, рассеянно кивая головой.

Она думала о сыне, который второй год учился в Санкт-Петербурге, мечтая стать известным адвокатом. Скоро он должен был приехать на летние каникулы навестить мать и сестер, о чем извещал их в последнем письме.

Алешенька был очень красив и очень ветренен, и это беспокоило Ольгу Павловну. Тайная ее надежда на то, что, женившись, он остепенится, была слабым утешением – Алексей не спешил связывать себя узами брака. Судя по его шутливым словам, он не очень-то хотел сменить внимание многих красавиц на преданность одной, пусть она и была бы первой в мире.

-Я люблю многообразие во всем, мама! – со смехом отвечал он на робкие попытки матери призвать его остепениться. Пока не выпью до дна игривый кубок свободы – не женюсь.

Он погостил у них всего десять дней, но за этот короткий срок успел свести с ума сестренок рассказами о блестящей жизни санкт-петербургского высшего общества и вскружить им головы описанием балов, которых он не пропускал.

-Да, кстати, я там как-то повстречал Сергея Воронкова, он очень изменился.

Но девочки, смутно помнившие их соседа как тихого, пух-

лого подростка, особо не заинтересовались его персоной. Брат был их кумиром – он внушал им восхищение, смахивающее на восторженное обожание. И не только им одним…

С его отъездом в доме снова воцарилась тишина, единственной противницей которой была Лиза.

-Ах, как мне хочется уехать из этой глуши туда, где шум, музыка, смех день и ночь!

Полина тоже вторила ей, но так, для вида. В душе она одобряла мать, предпочитавшую тишину их поместья шуму столицы.

Дом Дубовых был очень большим, но девочки, однако, спали в одной комнате – даже ночью они хотели быть рядом.

-Полина, а ты хочешь побывать на балу? – Лиза приподнялась на локте.

-Ага, - сонно пробормотала та, пряча лицо в подушку.

-Нет, не хочешь, - огорченно парировала Лиза. – Таким тоном не говорят, когда правда хотят этого. А вот я так хочу, что прямо мочи нету! – она долго еще лежала без сна, прислушиваясь к тихому ровному дыханию спящей сестры и грезя о своем будущем первом балу.

***

А осенью Алексея не стало. Ходили слухи о том, что причиной дуэли была смазливая артисточка – новая опереточная звезда. Так ли это было или иначе – теперь это не име-

ло никакого значения – Ольга Павловна, потерявшая красавца-сына, сразу постарела на десять лет.

Девочки были потрясены гибелью брата и, первое время робевшие, не подходили к телу его, привезенному из Петербурга домой, лежащему в гостиной. Но потом, осмелившись, держась за руки, они тихо подошли и со страхом смотрели на лежащего в гробу Алексея. Сурово сжатые губы делали его совсем непохожим на Алексея живого, и они порой не верили, что это на самом деле он.

Мать не отходила от сына ни на минуту, и когда девочек отправили спать, она осталась сидеть с ним рядом, не отнимая руки, лежащей поверх его сложенных ладоней. Она не плакала, только сердце ее горело нестерпимо в груди, жгло невыносимым огнем. Не плакала она и в церкви, когда его отпевали, и на кладбище, когда его положили рядом с отцом.

И только когда граф Воронков приехал к ним на другой день, она, едва взглянув на него, безудержно разрыдалась. Эти слезы принесли ей такое облегчение, что она была безмерно благодарна Сергею Львовичу за то, что именно его безмолвная любовь и поддержка заставила их омыть испепеленное горем сердце.

С той поры Сергей Львович стал чаще бывать в их доме и не проходило и десяти дней, чтобы они все вместе не наносили ему ответного визита.

Шло время и через месяц Ольга Павловна, застав как-то

раз утром Аннушку всю в слезах, повела ее в свой рабочий кабинет. Они пробыли там довольно долго и когда вышли оттуда, глаза Ольги Павловны тоже были красны от слез. О чем они говорили, так и осталось тайной, но вскоре Аннушка была уже не в состоянии скрывать свой выпуклый, быстро увеличивающийся живот и всем стало понятно – она согрешила.

Отношение к ней графини было по-прежнему по-матерински ласковым и это пресекало сплетни, но всех очень интересовало, кто же был отцом будущего ребенка. Множество предположений, и все сходились на одном – по всей видимости это был покойный граф Алексей. Но сама Аннушка не проронила ни слова, ни намека, только грустно прятала глаза с затаенной в глубине их болью.

-Я слышала, как в конюшне говорили, что Аннушка родит от покойного братца! – как-то вечером, готовясь ко сну, промолвила Лиза, пытливо глянув на Полину.

-Не знаю, но мне очень жаль ее, - Полина тревожно посмотрела на сестру. – Она иногда плачет, когда думает, что ее никто не видит.

-Мне тоже ее жалко, - ответила Лиза. – Она добрая, но все-таки она наша служанка…

-И что? – Полина насупилась. – От этого мне ее еще жальче!

-Да ладно, жалей себе сколько хочешь, - рассмеялась Лиза и, накинувшись на сестру, принялась ерошить ее гладко

причесанные на ночь волосы. И снова их смех звучит дуэтом и вот уже печали как не бывало.

Но Аннушке не удавалось ни на минуту забыть о своем горе, и появившаяся на свет девочка, как две капли воды похожая на покойного Алексея Петровича, теперь должна была ежеминутно напоминать ей о былом. Но постепенно она научилась любить это крохотное беспомощное существо и жизнь ее стала наполняться новым смыслом.

Графиня Ольга Павловна, посмотрев на новорожденную, два дня провела взаперти в своей комнате, благодаря Господа за дарованное счастье вновь обретенного в этой малышке Алексея. Она окружила мать с новорожденной таким вниманием и заботой, что ни у кого уже не оставалось сомнений – она приняла свою внучку. Пусть и такую, незаконнорожденную, - но это была частица ее Лешеньки и она любила эту крошку так же, как любила бы законного ребенка сына.

Минул год и всеобщая любимица Леля уже весело бегала по дому, ловя ручкой солнечный зайчик, скользящий по стене, и весело лопотала что-то по-своему.

Прошло еще шесть лет, а Леля все так же ловила солнечных зайчиков и лопотала что-то на ей одной понятном языке. Исчезли последние сомнения, растаяли последние надежды – она была безнадежно больна, но никто не называл это чудесное создание помешанной. «Душа ее спит», говорили все и с нежностью смотрели на ангельское личико в ореоле золотистых кудрей.

Сестры за это время постепенно превращались из милых детей в прекрасных юных женщин, и внешне все такие же разные, они стали еще ближе друг другу, еще нежней и крепче была их дружба, основанная на единстве крови и удивительном единении душ.

Лиза была огонь и вихрь. Лента по-прежнему алела в ее роскошных черных кудрях, все так же искрились озорством чудные ее глаза, но теперь в ней пробуждалась неистовая страстная женская натура, жаждущая любви. На первом же московском балу, куда вывезла сестер Ольга Павловна, красавица Лиза покорила немало сердец и это всеобщее поклонение безумно льстило ей. Когда, сидя за роялем, она играла бравурные вальсы Штрауса, казалось ей, что вся ее жизнь будет бесконечным праздником, бесспорной королевой которого будет она – Лиза.

Полина же, оставаясь такой же мягкой и тихой, воплощала в себе таинство женской прелести той слабостью, которая так притягивает мужчин, сильных духом. Нежный овал бледного лица, задумчивый взгляд, дарящий любовь всему, но что был обращен, - такова была Полина. Она по-прежнему беззаговорочно отдавала первенство во всем старшей сестре, но сторонний наблюдатель сказал бы, что она не менее прекрасна той, перед которой преклоняется.

Ее нежные пальчики, скользя по клавишам, будили небывало трепетные чувства даже в самых черствых сердцах, столько души вкладывала она в свою игру. Шопен – он был

ее кумиром, она знала наизусть почти все его произведения и едва ли можно было найти столь же великолепное исполнение его истинных шедевров среди юных представительниц прекрасного пола, блиставших на балах Москвы и Санкт-Петербурга.

Сестры уже вошли в тот возраст, когда в душе начинают бурлить новые, волнующие, зовущие чувства, и обе они стояли на пороге новой жизни, имя которой – любовь…

И она пришла к ним в образе их соседа – Сергея Сергеевича Воронкова, которого они не видели уже много лет. Они помнили его тихим круглощеким подростком, теперь же, вернувшись из столицы домой, к отцу, темноволосый худощавый юноша с большими карими глазами и легкой улыбкой на полных чувственных губах был способен взволновать даже такое требовательное сердце, как неистовое сердечко Лизы.

Он вместе с отцом нанес визит Дубовым в конце лета, когда буйство природы достигло своего апогея, и три юных сердца затрепетали.

Их дружба крепла. Музыкальные вечера в доме Дубовых, совместные экскурсии в парк, окружавший этот дом и в великолепные лесные угодья Воронковых, забавы, свойственные юности, - все способствовало укреплению этой дружбы, вот-вот готовой перерасти в любовь.

Но как же разделились роли среди них?

Лиза, чьи глаза сверкали неистовым огнем, была еще краше обычного, ее веселость и озорство заражали всех вокруг. Полина же прятала свои чувства, скромно опуская глаза – она понимала, что сестра ярче ее и, наверное, во сто крат желаннее.

Сергей же, поначалу очарованный в равной степени обеими сестрами, постепенно узнавая их все лучше, все больше тянулся сердцем и душой к одной из них, чувствуя, что эта девушка создана именно для него. Но чувства свои он пока открыто не выражал, желая временем проверить их и открыться, выбрав подходящий момент.

Странно, но сестры, много говорившие о нем и не пытавшиеся скрывать друг от друга свои чувства, никогда не заводили разговора о том, что же ждет их троих в скором будущем; словно молча признавалось бесспорное право Лизы на владение этим благородным открытым сердцем.

Лиза в душе очень жалела сестру, безнадежно влюбленную в того, кто, безусловно, будет принадлежать ей самой. Полина же всем сердцем желала счастья любимой сестре, но кто знает, не просыпалась ли иногда в ее душе несбыточная надежда на свое счастье?…

Аннушка, все так же жившая в их доме на правах члена семьи, ясно читала в сердцах своих питомиц те чувства, которые и она сама испытала когда-то, и эти грустные, но светлые воспоминания будили в ней порой щемящую до слез

нежность к своей несчастной дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.